

Опилкин Алексей Сергеевич*, научный сотрудник Центра гуманитарных исследований РИСИ.

Человек на войне: откровения солдат вермахта¹

Вторая мировая война на протяжении многих десятилетий продолжает привлекать внимание исследователей. Даже спустя почти 70 лет после окончания крупнейшего вооружённого конфликта человечества в историографии ещё остаётся ряд малоизученных вопросов, один из которых связан с восприятием войны конечными исполнителями приказов, в частности, солдатами и офицерами вермахта.

Какие представления, традиции, страхи и практики определяли повседневную жизнь военнослужащих немецкой армии, насколько распространено было максимально жестокое отношение к солдатам противника и мирному населению Польши, СССР, Франции, Великобритании – об этом рассказывают авторы рассматриваемой монографии².

Историк, специалист по войнам первой половины XX в. З. Найтцель и социальный психолог Х. Вельцер предприняли попытку показать Вторую мировую войну глазами немецких солдат, объяснить их картину мира и действия. Даже для частичного достижения столь амбициозной цели необходимы соответствующие методы и, главное, репрезентативные источники. Как справедливо замечают авторы, ни воспоминания, ни письма, ни протоколы допросов в полной мере таковыми не являются, так как создавались сознательно: для родственников, следователей или читателей мемуаров.

Другое дело источник, о создании которого сами его "авторы" и не подозревали. Таким источником стали стенографические записи разговоров немецких военнопленных, сделанные в 1940–1945 гг. Практически с самого начала и до конца военных действий британские и американские спецслужбы тайно подслушивали и записывали беседы немецких пленных солдат и офицеров с целью сбора информации о моральном состоянии армии противника, о положении дел в Германии, технике и тактике вермахта и многих других вопросах. На протяжении полувека эти материалы были засекречены, и лишь в 2001 г. их обнаружил один из авторов – З. Найтцель.

Десятки тысяч записей разговоров лиц, не знавших о подслушивании, дали в распоряжение исследователей огромный объём информации,

* aleksey_opilkin@mail.ru.

¹ Рецензия на книгу: *Найтцель З., Вельцер Х. Солдаты Вермахта. Подлинные свидетельства боёв, страданий и смерти* / Зёнке Найтцель, Харальд Вельцер ; [пер. с англ. С. А. Липатова]. М. : Эксмо, 2013. 368 с.

² Оригинальная работа (*Neitzel S., Welzer H. Soldaten: Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben* / Sönke Neitzel, Harald Welzer. Frankfurt am Main : S. Fischer, 2011. 520 s.) в 2012–2013 гг. переведена на основные европейские языки.

позволяющей говорить об отношении немецких военнослужащих к войне, насилию, врагам, фюреру – ко всему, что составляло их "солдатский мир".

Основная ценность анализируемых З. Найтцелем и Х. Вельцером материалов заключается в том, что это максимально чистый, "незамутнённый" исторический источник, в отличие от тех же допросов и тем более воспоминаний. В разговоре с людьми своего круга человек в гораздо меньшей степени склонен оправдываться перед собой и другими, скорее наоборот. Кроме того, авторы неоднократно упоминают принципиальную важность того факта, что на момент создания источников война ещё не закончилась, событие не завершилось, а потому смотрят на него участники в режиме реального времени. Также важно, что эти разговоры велись не с чужаками (англичанами или американцами), а со своими – с немецкими солдатами и офицерами разных частей вермахта – людьми примерно равного социального статуса (высшие офицеры содержались и общались с высшими офицерами, а не с унтер-офицерами или солдатами).

В первой, теоретической части книги авторы определяют "относительные рамки" восприятия и оценки реальности солдатами вермахта в период Второй мировой войны. Речь идёт о реконструкции той оценочной матрицы, о системе представлений, в границах которой люди воспринимают различные ситуации и интерпретируют своё восприятие. З. Найтцель и Х. Вельцер рассматривают культурные связи, незнание, ожидания, контексты восприятия, специфические для данного времени, ролевые модели и прочие компоненты, влияющие на оценку реальности человеком.

Авторы неоднократно возвращаются к тому, что "менталитеты", "идеологии", "мировоззрения" во многом являются придуманными конструктами, слабо влияющими на восприятие, оценку и поведение людей по сравнению с социальными практиками как в повседневной жизни жителей Третьего рейха, так и солдат на войне. По мнению З. Найтцеля и Х. Вельцера, немецкие солдаты действовали именно так, а не иначе, совершая бесчеловечные преступления далеко не только под влиянием идей нацизма, а исходя из гораздо более практических соображений, заданных координатами Третьего рейха и войны³. Свою роль сыграла и идеология, но не столько её официальные постулаты о "чистоте расы", сколько те её компоненты, которые предопределили эти "относительные рамки".

Основным таким компонентом З. Найтцель и Х. Вельцер называют установившееся в немецком обществе "категориальное неравенство", т.е. порядок вещей, который разделил жителей Германии на непроницаемые "касты" по биологическим критериям, фактически поделив всех на людей первого, второго и низшего сортов⁴. Изменилось представление о том, что хорошо и что плохо, что справедливо, а что нет⁵. Большинство разговоров военнопленных и являются иллюстрацией этой бесчеловечной морали, того, что авторы называют "относительными рамками войны", в том виде, как их понимали и реализовывали солдаты и офицеры вермахта.

³ Найтцель З., Вельцер Х. Указ. соч. С. 12–14, 35–36.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 122.

Основная часть книги поделена на небольшие тематические блоки, в рамках которых рассматриваются различные компоненты жизненного мира немецких солдат и офицеров. Названия блоков говорят сами за себя: "Сбивать", "Эстетика разрушения", "Стрельба за компанию", "Слухи", "Вера в фюрера", "Удовольствие", "Убивать как оккупанты" и т.п.

Следствием того, что исследование построено на материалах спецслужб Великобритании и США, является использование исключительно свидетельств солдат и офицеров, попавших в англо-американский плен. Соответственно, большинство фактов и оценок относятся к территории Западной Европы, но так как некоторые пленные до этого воевали и на советско-германском фронте, то имеются и данные о действиях военнослужащих вермахта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

В книге огромное количество описаний военных преступлений, актов немотивированной агрессии против мирного населения, убийств ради убийств и многого другого. Авторы не только излагают материал, но и сопровождают его обстоятельным историческим и социально-психологическим комментарием. Текст З. Найтцеля и Х. Вельцера лишь немного превосходит по объёму цитируемые ими материалы. Создаётся впечатление, что значительная часть книги – это рассказы участников событий и комментарии учёных к ним.

Для сравнения авторы постарались в общих чертах показать "относительные рамки войны" солдат и офицеров не только немецкой, но и итальянской и японской армий⁶.

З. Найтцель и Х. Вельцер не стали уходить от самых сложных проблем, касающихся уничтожения евреев, сожжения целых деревень и участия в массовых убийствах некомбатантов. Кроме того, несмотря на то, что большая часть книги посвящена событиям на территории Франции, Великобритании и в водах Атлантики, регулярно упоминаются и советско-германский фронт, и зверства вермахта на оккупированных территориях СССР, и бесчеловечное обращение с советскими военнопленными⁷. Массовые убийства советских военнопленных авторы справедливо называют крупнейшим преступлением вермахта⁸.

Однако со стремлением к объективности слабо коррелируют попытки объяснить, например, массовые убийства советских военнопленных тем, что последние вели борьбу "по ту сторону международного права и западноевропейских обычаев ведения войны"⁹. И это при том, что уже в первые дни войны немецкие солдаты начали расстреливать сдававшихся в плен, о чём чуть выше пишут сами авторы¹⁰.

Говоря о размахе насилия на Восточном фронте, исследователи лишь вскользь упоминают о влиянии идеологии, предпочитая акцентировать внимание на "относительных рамках войны", страхе немецких военнослужащих за свою жизнь и действиях советских солдат и партизан.

⁶ Найтцель З., Вельцер Х. Указ. соч. С. 254–257.

⁷ Там же. С. 97–104.

⁸ Там же. С. 97.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Там же.

Возможно, стоило уделить больше внимания тому обстоятельству, что уже с первых дней войны масштабы насилия на востоке, особенно на территории СССР, были гораздо больше, чем во Франции. З. Найтцель и Х. Вельцер об этом упоминают в параграфе под названием "Насколько национал-социалистической была война вермахта?", но как бы между делом. Ссылаясь на современного немецкого историка Р. Оверманса, они отмечают, что в немецких лагерях для военнопленных погибло от 1 до 3 % англо-американских солдат, тогда как советских – почти половина, "что намного превосходит даже высокий процент смертности пленных союзников в японском плену"¹¹. Такую огромную разницу вряд ли можно объяснить какими-либо местными условиями или обстоятельствами. Идеология нацизма и постоянно насаждавшееся представление о неполноценности славян сыграли в этом не последнюю роль.

Кроме того, в данном параграфе нет ясного ответа на вопрос, сформулированный в его названии, – в какой мере это была национал-социалистическая война? Многочисленные аналогичные высказывания и практики деятельности, имевшие место как среди солдат вермахта в 1939–1945 гг., так и среди американских солдат в период войны во Вьетнаме, войны в Ираке, подводят читателя к мысли, что в общем-то ничего исключительно национал-социалистического в методах ведения войны немцами не было. Но в явном виде данный вывод не сформулирован, чему мешает как минимум систематическое уничтожение голодом советских военнопленных, что, по мнению авторов, "несомненно, выпадает из обычных относительных рамок войны и может быть понято только в рамках национал-социалистической войны на уничтожение"¹².

Перевод книги на русский язык качественный, но в ряде случаев является едва ли не дословным, что требует определённых усилий для понимания¹³. Особенно это характерно для первой, теоретической части работы. Текст книги достаточно сложный, но при этом весьма информативный.

Подводя итог рассмотрению "относительных рамок Третьего рейха" и "относительных рамок войны", авторы отмечают, что дело не в какой-то особой жестокости немецких военнослужащих того времени, а в тех условиях, в которых находились люди, как рядовые исполнители, так и руководители разного уровня. Создав новый образец нормы и поставив солдат и офицеров в ситуацию ведения войны на уничтожение, особенно в польской кампании и войне против Советского Союза, нацистское руководство создало максимально благоприятные условия для беспримерно жестокого обращения с гражданским населением оккупированных территорий, что привело к широко известным преступлениям вермахта и СС и многомиллионным убийствам ни в чём не повинных жителей СССР, Польши, Франции и других стран.

¹¹ Найтцель З., Вельцер Х. Указ. соч. С. 290.

¹² Там же. С. 290–291.

¹³ Найтцель З., Вельцер Х. Указ. соч. С. 107 ("для никого"); Там же. С. 122 ("уже Ханах Арендт указывал" – речь о Ханне Арендт, что видно по сноске номер 322 на с. 324, где уже фигурируют Хана Арендт и её эссе "Эйхман в Иерусалиме"); Там же. С. 258 ("Гудалканал" вместо Гвадалканал).

Такая позиция представляется вполне обоснованной. Однако влияние "относительных рамок войны" на поведение индивида, разделение труда на войне по образцу разделения труда в промышленности, необходимость подчинения приказам, популярность расистских взглядов и многое другое не снимают ответственности ни с политиков, решивших вести войну на уничтожение, ни с офицеров и солдат, непосредственные действия которых привели к многомиллионным жертвам среди военнослужащих и гражданского населения разных стран.

Монография "Солдаты Вермахта" заслуживает внимания как новаторская междисциплинарная работа, выполненная на стыке истории и социальной психологии. Подготовленное на высоком уровне исследование З. Найтцеля и Х. Вельцера расширяет наше представление о немецких участниках войны и является значительным шагом вперед в изучении "солдатского мира" и социальных практик периода Второй мировой войны.